

Ирис Юханссон

особое **ДЕТСТВО**

серия **любовь**
изгоняет
страх

Ирис Юханссон

особое ДЕТСТВО

4-е издание (электронное)

Москва
«Теревинф»
2015

УДК 376-056.34:616.896-053.2

ББК 57.33+74.3

Ю94

Юханссон, Ирис.

Ю94 Особое детство [Электронный ресурс] / Ирис Юханссон ; пер. со швед. О. Б. Рожанской. – 4-е изд. (эл.). – Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 158 с.). – М. : Теревинф, 2015. – (Любовь изгоняет страх). – Систем. требования: Adobe Reader XI ; экран 10".

ISBN 978-5-4212-0293-6

В книге Ирис Юханссон мир ребёнка-аутиста описан «изнутри», на собственном опыте. Однако этим уникальность истории Ирис не ограничивается. Это еще и история необыкновенного родительского опыта: отец Ирис, шведский крестьянин, без чьей-либо профессиональной помощи понял проблемы своей дочери. Благодаря его любви, вниманию и отзывчивости Ирис, бывшая ребёнком с «глубокими нарушениями общения», сумела их преодолеть. Она стала психологом, консультирующим педагогов и родителей.

Книга адресована широкому кругу читателей. Она будет особенно интересна родителям и специалистам, работающим с детьми с нарушениями эмоционально-волевой сферы.

УДК 376-056.34:616.896-053.2

ББК 57.33+74.3

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Особое детство / Ирис Юханссон ; пер. со швед. О. Б. Рожанской. – 4-е изд. – М. : Теревинф, 2014. – 157 с. (Любовь изгоняет страх) – ISBN 978-5-4212-0159-5

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации

ISBN 978-5-4212-0293-6

© Юханссон И., 2001

© «Терефинф», оформление, 2015

предисловие к русскому переводу

Несколько лет назад специалистам Центра лечебной педагогики посчастливилось встретиться с необыкновенным человеком – Ирис Юханссон. Разговор с ней был долгим и интересным. Ирис рассказывала о том, что ей пришлось пережить в детстве из-за глубоких нарушений общения (много позже ей поставили диагноз «ранний детский аутизм»), и о своём отце, сыгравшем определяющую роль в её жизни. Наши вопросы так и сыпались на Ирис со всех сторон. Вопросы были самые разные: как она чувствовала и воспринимала других людей? почему долго не могла пользоваться речью для общения? как научилась читать и писать? как относилась к боли, к голоду? Для нас, педагогов, работающих с аутичными детьми, это было не простое любопытство. Ведь часто нам бывает непонятно, что именно вызвало у ребёнка крик, испуг или панику. Воспоминания Ирис помогают найти ключ ко многим подобным загадкам.

В конце нашей встречи Ирис изложила свою собственную теорию возникновения нарушений общения, в том числе аутизма. В основе её лежит идея о том, что у некоторых детей изначально низкий уровень доверия к людям. Это доверие, по мнению Ирис, и является той жизненной силой, которая необходима для полноценного развития ребёнка.

И главный вопрос, который на протяжении всей встречи не оставлял в покое: неужели это возможно? Эта коммуникабельная женщина, внимательная к другим и обаятельная, была

глубоко аутичным ребёнком? Нам важно было понять, как Ирис превратилась из аутичного ребенка в опытного психолога, консультирующего педагогов и родителей, как она стала общительным и отзывчивым человеком. Она научилась разделять радости и печали других людей, сохранив в то же время свой особенный внутренний мир.

Потом мы организовали встречу Ирис с родителями аутичных детей. И там вопросам не было конца. Каждый хотел понять собственного ребёнка, получить совет. Для многих само знакомство с Ирис стало источником надежды.

Ирис передала нам рукопись и разрешила опубликовать. Текст, лежащий перед вами, основан на рассказах её родных, главным образом отца, и на её собственных воспоминаниях. Описание событий имеет как бы две стороны: как окружающие воспринимали Ирис и пытались интерпретировать её поведение в той или иной ситуации и как она сама воспринимала эту же ситуацию, что в ней для девочки было существенно. Это плод постоянных размышлений Ирис о происходящих в её жизни событиях и о том, как она на них реагировала: «Что со мной? Почему я не такая, как все?»

Первая часть строится как воспоминания Ирис о своей семье, доме, о своём особенном детстве. Во второй части взрослая Ирис делает попытку увидеть себя со стороны и проанализировать своё поведение. Здесь вдруг пропадает рассказ от первого лица. Ирис, исследуя своё восприятие мира в детстве, рассказывает, что она не идентифицировала себя с той девочкой, которую окружающие звали Ирис. Это удивительно, но аутичный ребёнок часто не соотносит себя со своим именем, со своим отражением в зеркале и т.п.

А вот в третьей части опять рассказ ведётся от первого лица. Здесь идёт речь о мире, который был для Ирис настоящим, мире, где она могла сказать о себе «Я». Строки этой части погружают нас во внутренний мир переживаний аутичного ребёнка. Интересно, что сама Ирис называет его «этот внутренний внешний мир», а своё пребывание в этом мире – состоянием «снаружи». Последняя часть повествует о достижениях и про-

блемах сегодняшней Ирис, уже преодолевшей много трудностей на своём пути.

Мы надеемся, что уникальный жизненный опыт автора, богатство её внутреннего мира, настойчивое желание понять себя и помочь другим не оставят равнодушным вдумчивого читателя.

*И.Ю. Захарова,
эксперт Центра лечебной педагогики (Москва)*

особое детство

В глубине Швеции в арендованном доме священника при церкви жила большая семья. Дед въехал в него в двадцатых годах с женой, семью детьми, сестрой, двумя братьями и тестем. Дети выросли, старики умерли, народилось новое поколение.

Мой отец был младшим ребёнком в семье, его мать была вечно занята, и она поручила его дедушке. Овдовев, его дед, отец матери, переехал к своей дочери и её семье и посвятил себя заботе о младшем внуке. Папин дедушка был человек необычный; на его долю выпало много лишений, но жизнь научила его мудрости и смирению. Он заботился обо всех «заблудших», которые попадались ему на пути, и помогал им как мог, пока они не вставали на ноги; он понимал самые важные законы жизни.

Бабушка никогда не понимала своего отца, она считала его безответственным человеком, не умевшим устроиться в жизни, но думала, что раз уж он переехал к ней, то может на что-то сгодиться. Она поручила ему воспитание моего отца.

Дедушка не придавал особого значения воспитанию. Он считал, что ребёнок всему научится сам, только нужно предоставить ему свободу, а взрослым, которые его окружают, рассказывать о своём опыте и умолкать, если это становится совсем уж нелепым. Он верил в Бога, но был невысокого мнения о его «представителях» на земле; он считал, что они стремятся к власти, к тому, чтобы все пресмыкались перед ними и отдавали последнюю лепту на Церковь. Он думал, что это не по-божески.

У него была непосредственная личная связь с Тем, который на небесах, и он считал, что Он иногда подсказывает людям, как поступить, но чаще всего Он молчит, и тогда людям приходится полагаться на своё собственное разумение. А молчит Он, чтобы люди сами набирались ума.

Дедушка глубоко и страстно любил природу и животных, он постоянно разговаривал с ними, и ему казалось, что он обретает новую связь с миром каждый раз, когда размышляет на природе. Мой отец всегда был рядом, они подолгу бродили по лесам и полям. Дедушка был рядом с ним, когда он учился ухаживать за домашними животными, учил его, как нужно разговаривать с животными, чтобы успокаивать их, и учил понимать, чего они боятся и как сделать так, чтобы они не боялись. Так у отца зародился интерес к коровам. Он решил, что, когда вырастет, станет скотником.

Дедушка умер, когда папе было двенадцать лет, и для него это была огромная утрата. Папа рассказывал, что он нарисовал у себя в голове портрет деда и каждый день обсуждал все проблемы с этим внутренним образом. Дед словно был рядом и в трудные минуты помогал ему принять верное решение, в одно мгновение избавлял от уныния и отчаяния.

Когда я родилась, самыми старшими в семье были родители отца. Кроме них у нас в доме жила ещё Эмма. Я любила её больше всех домочадцев. Она была тёткой матери и не хотела жить в доме для престарелых.

Эмма была «своя». Она называла меня ласковыми словами и никогда не уставала слушать меня. Она была самая добрая и человечная. Соседские юноши, да и люди постарше обращались к ней за советом. Она была очень мудра и никогда не судила и не осуждала никого. Она давала людям утешение и совет, не требуя, чтобы они непременно последовали ему. Она даже никогда не спрашивала их об этом, ей было довольно, если те, кто внимал им, находил в душе хотя бы маленький лучик надежды, обретал силы жить дальше.

У неё была тяжёлая жизнь. Она родилась с вывихом руки, и эта рука не стала расти. Под рукавом платья угадывалась

маленькая тонкая белая ручка с неподвижной кистью. Она была дочерью батрака и всю жизнь в поте лица добывала свой хлеб земледелием и уборкой. В молодости она слыла дурнушкой, и никто к ней не сватался. Однако она родила двоих детей: маленькую, красивую, златокудрую девочку, она умерла от аппендицита, когда ей было пять лет от роду, и мальчика, который был умственно отсталым и умер в семнадцать лет. Больше всего на свете Эмма любила читать. Когда рабочие построили Народный дом и в нём открылась библиотека, она прочла все без исключения книги. Она никогда не ходила в школу, но одно время мыла полы в школе, и за это школьный учитель научил её грамоте. У неё хорошо получалось представлять прочитанное на сцене, и она стала режиссёром, суфлёршей и реквизитором в детском театре.

По своим взглядам она намного опередила то время, в котором жила. Она любила ходить в кино и в молодости отправилась в Гётеборг с коровой, продала её и пересмотрела все фильмы, которые успела, пока не подошёл срок возвращаться домой. Когда я была маленькая, у неё испортилось зрение, и больше всего её огорчало, что она уже не может читать. Однако она могла рассказывать и охотно рассказывала. Её всегда окружали люди, которых она очень живо развлекала.

Все посвящали Эмму в свои тайны. Я рассказывала ей о своих друзьях, существах, которые жили в моём «внешнем» измерении, которых никто, кроме меня, не знал и которых никто, кроме меня, не мог видеть. Их звали Слире и Скюдде, и я обычно встречала их, когда сидела одна на качелях. Я могла войти в контакт с ними и по-другому – особым образом раскачиваясь вперёд и назад. Они приходили и забирали меня с собой. Мы улетали прочь и водили хоровод вокруг верхушек деревьев и возвращались назад ужасно счастливые и хохочущие. Я рассказывала Эмме обо всём, что я увидела и узнала, и Эмма с интересом слушала меня. Она говорила: «Вот это да! Ну и ну!» и таинственно улыбалась и вся светилась любовью. Я и сегодня уверена, что она всё понимала, что иногда и сама она была в этой реальности. Она понимала такие вещи о людях и о жизни,

о которых другие не догадывались, и она черпала это понимание из самых сокровенных глубин своего существа.

Эмма жила в людской. Все свои пожитки она держала в комоде. Больше у неё ничего не было. Там стояла изразцовая печь с камином. Топить камин было лучше, тогда тепло не уходило так быстро. «Нехорошо топить на ветер», – говорила Эмма.

По другую сторону прихожей жили два моих дяди – братья отца.

Сначала они жили в маленькой комнате, смежной с большой, которую на время сняла у нас супружеская пара. Когда они съехали, дядям осталась большая комната. Она была утеплена на зиму. В ней были дверные рамы, и камин давал тепло.

Андерс был высоким, статным, светловолосым. Он был красив и любил танцевать. В молодости у него было много женщин, но он был такой своенравный, что никто особенно не хотел за него замуж. Рассказывали, что одну он называл ханжой, потому что она в рот не брала спиртного. На этом их любовь закончилась. Он играл на контрабасе и любил природу. Я часто отправлялась с ним объезжать «владения». Он что-то бурчал себе под нос, бранил лошадь, словно это был человек.

Нильс был темноволос и смуглолиц. Он любил девушек и всё, что называется спортом. Он играл со всеми подростками и устраивал в своей комнате молодёжный клуб. Зимой все сидели в темноте, поближе к камину, и слушали «Радио Люксембург». Потом все начинали философствовать, рассказывать свои сны, говорили о бедности, в которой мы живём, о превратностях любви. Здесь сплетничали, рассказывали о путешествиях, одно страшнее другого. Нильс играл на саксофоне и кларнете и любил джаз.

Между комнатой Эммы и комнатой, которую занимали братья отца, была большая кухня. Пока Эмма ещё могла видеть, там стоял её ткацкий станок, а потом его убрали и поставили на его место стол для игры в пинг-понг. Там стояла маленькая дровяная печка, но она плохо грела, и часто мы играли при минусовой температуре. Около печки могло поместиться только двое, и, чтобы не замерзнуть, приходилось много двигаться.

Остальные сидели у Андерса и Нильса, играли в карты, слушали радио.

Это было моё зимнее пристанище, когда на улице было холодно. Обычно я залезала на чью-нибудь кровать и слушала все разговоры. Собирались местные юноши, ещё неженатые, один или двое взрослых, ускользнувших из дома, и дворовые ребята. Нас пускали внутрь, если мы обещали не шуметь, я и не шумела, мне было просто интересно.

Я любила сидеть и вдыхать сигаретный дым, слушать журчанье голосов и наслаждаться густеющими сумерками и общим настроением. Мне нравилось «кружить» по комнате. Я «скользила» между людьми и «ныряла» под их кофты. Их разговоры звучали так странно, когда я «проскальзывала» мимо них. Казалось, что слова взмывали под самый потолок, и я как будто понимала их, жонглировала ими, и тотчас они приобретали совершенно новые для меня значения.

Кто-нибудь говорил: «Ирис, опять ты сидишь мечтаешь, иди-ка ложись спать».

Я медленно плелась к двери.

В укромном уголке двора, по дороге в туалет, стоял большой клён. Его огромная ветвь на пять метров возвышалась над землёй. Кто-то подвесил на ней верёвочные качели. Забравшись на качели, можно было взлететь до самого неба. В животе было щекотно, голова кружилась. Это было удивительное чувство, опьяняющее.

Весь нижний этаж большого дома занимала кухня. Там обычно собиралась вся семья. Когда я была маленькая, на ней царил бабушка, мать отца. Она так нервничала, что не успеет приготовить еду вовремя, что начинала готовить раньше времени и ей приходилось по несколько часов держать её нагретой. Бабушка была седая, раньше у неё были волосы цвета вороньего крыла. Когда она распускала их, они доходили до колен, но это можно было видеть только утром, когда она причёсывалась. Она скручивала их в тугий пучок на затылке и от этого выглядела очень строгой. Её глаза были как перечное зерно. Кто-то говорил, что она похожа на ведьму из сказки про Ганса и Грета.

тель. У неё был резкий и пронзительный голос. Когда она кричала, он прорезал тебя насквозь.

Дети боялись её. Мы думали, что у неё глаза на затылке: она замечала всё, что бы мы ни делали. Малейшее отклонение от её требований каралось тотчас же. Она была набожна, но притворно набожна. Самым важным для неё было, чтобы соседи не заметили, какие мы все слабоумные. Она всё время стыдилась нас и считала, что и нам должно быть за себя стыдно. Единственное, что нам нравилось в ней, это то, что обманывать её было одно удовольствие, если кому-то удавалось безнаказанно проделать это, тому засчитывалось сразу несколько очков.

Она обычно готовила картофельное пюре, ужасно вкусное. Это было единственное блюдо, которое она подавала свежим, всё остальное она хранила до тех пор, пока оно не становилось несъедобным, и тогда это нужно было съесть в первую очередь, и только потом на тарелку клали более свежую еду. Отцу не нравилось, как она обращается с едой, и он решил, что, когда у него будет семья, в доме всегда будет вкусная свежая еда. Мать, отец, брат и я жили на втором этаже, пока бабушке не надоело вести такое большое хозяйство. Потом мы поменялись, так что дедушка и бабушка стали жить отдельно.

Когда я вела себя не так, как следовало, – а это случалось довольно часто, – бабушка вызывала меня к себе, чтобы отчитать меня. Я любила это. Я стояла совершенно неподвижно и смотрела ей прямо в глаза, и когда она начинала говорить, её слова начинали кружиться по комнате. Они были разных цветов, не тех обычных цветов, которые встречаются повсюду, но цветов совершенно иного рода. Они светились и складывались в причудливые узоры. Всё вокруг меня было словно живое, и всё двигалось в дивном узоре. Я купалась в разноцветных искрах и кружилась в них. Они то и дело меняли форму, и было приятно плыть в этом потоке. Потом я чувствовала, что кто-то щиплет меня за руку, и снова оказывалась рядом с бабушкой: «...пропащий ты ребёнок, ты даже не слушаешь, когда тебе говорят!»

Бабушка казалась разгневанной, а я смотрела в пол и ждала.

«Ступай сейчас же вниз, к себе», – говорила она, и я осторожно спускалась по лестнице. Уже во дворе меня отпускало, и я кричала, кричала от безумного восторга.

Дедушка был добрейшим из людей. Он любил прохаживаться в одиночестве и напевать вполголоса какую-нибудь мелодию. Все знали, что он был совершенно безответственным человеком, и если бы не бабушка, он был бы нищим бродягой. Бабушка следила за всеми, особенно за дедушкой. Рассказывали, что дедушка однажды пошёл на рынок, чтобы продать корову, но у него совершенно не было практической жилки, и его, конечно, «надули». Обнаружив обман, он напился и явился домой только на следующий день без денег и без коровы. После этого случая бабушка взяла хозяйство в свои руки.

Дедушка любил копать в саду. Когда он рыхлил почву во дворе граблями, я выбегала из дома, выделывала смешные па на садовой дорожке. Он приходил и выравнивал гравий. У него получалось очень красиво, и больше не полагалось ходить по гравию. Потому что всё должно быть красиво: вдруг кто-нибудь заглянет к нам.

Нам не разрешали срывать в саду фрукты, особенно сливы. Если только они не падали на голову. Но дедушка как бы невзначай ударял по дереву граблями, масса плодов обрушивалась на нас, и он, как ни в чём не бывало, собирал их в карман своих огромных штанов. Потом он убегал за дом и созывал нас, детей, и нам доставались сливы. «Берегитесь, чтобы бабушка не заметила, а то мне несдобровать».

Все «береглись», иначе было не избежать бабушкиного пронзительного крика: «Де-е-е-д!!!» – она кричала, чтобы учинить ему допрос, и чем дольше он не появлялся, тем хуже было для него. Я забирала свои сливы и уходила к густо заросшей зеленью беседке, где никто не мог видеть меня. Это была небольшая хижина, настолько заросшая, что сквозь крышу не проникали даже капли дождя. Я садилась на сухое сено, подбирала под себя край платя и, устроившись поудобнее, глазела на ветку, которая покачивалась из стороны в сторону, и вскоре я «исчезала», взмывая вверх до кроны дерева и в самое небо.